
ФІЛАСОФІЯ

УДК 316.75

Вероника Николаевна Варич

канд. филос. наук, доц. каф. гуманитарных наук
Брестского государственного технического университета

Veronika Varich

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities
of Brest State Technical University*

e-mail: vari61@list.ru

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ЦЕННОСТЕЙ В АКСИОЛОГИИ

Проводится анализ решения проблемы возникновения ценностей в историко-философской ретроспективе. Выявлены и подвергнуты критическому рассмотрению идеи представителей философии жизни, прагматизма и философской антропологии, а также взгляды Э. Дюркгейма и Ч. Тэйлора. Сопоставляются идеи этих мыслителей, сделан вывод об их применимости в настоящее время: от идей о связи генезиса ценностей с индивидуальным и коллективным опытом до идеи о взаимосвязи этого процесса с формированием идентичности.

Ключевые слова: *ценность, генезис ценностей, ценностное сознание, идентичность.*

The Problem of Genesis of Values in Axiology

The article analyzes the solution to the problem of the emergence of values in a historical and philosophical retrospective. The ideas of representatives of the philosophy of life, pragmatism and philosophical anthropology, as well as the views of E. Durkheim and Charles Taylor, were identified and subjected to critical examination. The article compares their ideas and draws conclusions about their applicability at the present time – from ideas about the connection between the genesis of values and individual and collective experience to the idea about the relationship of this process with the formation of identity.

Key words: *value, genesis of values, value consciousness, identity.*

Введение

Вопрос о том, каким образом в сознании человека формируются ценности и ценностные ориентации, является актуальным на протяжении всего существования аксиологии как особой области философского знания. В настоящее время этот вопрос представляет интерес не только в рамках академических теорий, но и для широкой общественной аудитории. Достаточно распространенным (как в средствах массовой информации, так и в рассуждениях ученых-гуманитариев) является мнение об изменении ценностей в современном обществе или даже об их утрате, о необходимости возрождения утраченных ценностей или о генерации новых. Именно поэтому вопрос о генезисе ценностей, особенно в условиях отсутствия в обществе единой светской или религиозной идеологии (той самой социокультурной таблицы, о которой говорил еще А. Моль), является источником оживленной полемики. То, что В. И. Степин называл универсалиями культуры, а Х. Йоас называет самоочевидностями, в духовном

мире современного человека не подкрепляется ни догматами веры, ни аргументами светской этики. Возникает закономерный вопрос: каким же образом происходит генезис ценностей и формирование ценностного сознания? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть представления о генезисе ценностей в исторической ретроспективе, проанализировав представления о происхождении ценностей виднейших представителей философии ценностей.

Основная часть

В современном мультикультурном обществе существует объективный разрыв между убежденностью каждого человека в своих ценностях и неопределенностью ценностей в общественном сознании: «При отсутствии негласных общих допущений в разговоре любое требование обоснования приводит к еще большим разногласиям или заставляет создавать сложные, нередко непосильные для индивида мыслительные конструкции» [1, с. 19]. И если, по замечанию Х. Йоаса, «оценка изменения ценнос-

тей может быть самой разной, как оптимистичной, так и пессимистичной, то утрата ценностей всегда воспринимается как симптом некоего кризиса. Явления, для объяснения которых в общественной дискуссии был выдвинут тезис об утрате ценностей, всеми без исключения оцениваются негативно» [1, с. 11].

Существуют различные мнения о том, какие общественные процессы приводят к разложению ценностей; к ним относят и преобладание потребительских ценностей рыночной экономики, и отсутствие вдохновляющих положительных примеров, и семейное воспитание, основанное на поощрении, а не на запретах и строгой дисциплине. Но даже постановка вопроса о происхождении ценностей зачастую вызывает возражения против самой необходимости его обсуждения. Х. Йоас в своем фундаментальном исследовании «Возникновение ценностей» [1] выделяет три вида такого рода возражений. Во-первых, представители материалистического и функционалистского понимания истории полагают, что рассуждения о возникновении приверженности каким-либо ценностям не имеют смысла, так как действия людей и те ценности, на которые они ориентированы, очень незначительно воздействуют на социальные процессы. Во-вторых, приверженцы либерализма утверждают, что сама дискуссия в условиях культурного плюрализма является попыткой навязать собственные ценности какой-либо группе людей. В-третьих, сторонники постмодернизма исходят из того, что дискуссия о ценностях во времена полной неопределенности в их понимании не заслуживает сколько-нибудь значительного интереса.

Само понятие ценности приобрело значимость для философии лишь во второй половине XIX в., когда оно заняло место понятия блага в постклассической философии. Классическая философская традиция исходила из того, что благо имеет особый онтологический статус, и поэтому его можно постичь рациональным путем как абсолютную истину или через откровение как абсолютное бытие. Ценность же по самой своей сути связана с субъектом, и если вопрос о возникновении блага как высшего бытия даже не возникал, то вопрос о том, откуда берутся ценности, в философии ценно-

стей встал со всей остротой. Сторонники неокантианства (вслед за Кантом) стремились определить соотношение между субъективным восприятием ценностей и их объективным значением: действительные ценности не могут быть созданы людьми, а образуют собственное идеальное царство, человек же может только обнаруживать их и по возможности воплощать.

Вместе с тем оценивание всегда обусловлено социальным контекстом, в котором оно происходит, поэтому логично предполагать, что ценность как значимость возникает именно из той субъективности, которая порождается совместным функционированием людей. В таком ключе вопрос о возникновении ценностей впервые поставил Ф. Ницше, связав его с подавлением биологического начала в человеке и с ресентиментом – злобой и завистью по отношению к людям, занимающим привилегированное положение, и осознанием собственной неспособности улучшить свой социальный статус: «Человек, который, за отсутствием внешних врагов и препятствий, втиснутый в гнетущую тесноту и регулярность обычая, нетерпеливо терзал, преследовал, грыз, изнурял, истязал самого себя, этот бьющийся до крови о решетки своей клетки зверь, которого хотят “приручить”, этот лишенец и изводящий себя ностальгик по пустыне, сподобившийся сколотить из самого себя авантюру и застенки, некое подобие ненадежной и опасной целины, – этот дурень, этот тоскующий и безутешный пленник стал изобретателем “нечистой совести”» [2]. При отсутствии реальных возможностей возвыситься ресентимент в конечном итоге выливается в создание системы ценностей, которая восхваляет слабость и беспомощность и принижает силу и благородство.

Тезис о связи ценностей этики любви и сострадания с ресентиментом был подвергнут серьезной критике М. Шелером и М. Вебером, которые указывали на то, что любовь сильного к слабому отнюдь не является признаком упадка ценностей, а, напротив, выступает подтверждением духовной силы личности и требует гораздо больших усилий, нежели ощущение своего превосходства. М. Шелер при этом подчеркивал, что между уверенностью в том, что благо реально существует, и индивидуальным ха-

рактором ценностного опыта нет никакого противоречия: ценности обладают самостоятельным бытием и доступны человеку на дорефлексивном уровне. Ценности существуют сами по себе, но даны личности в их понимании и побуждают потребность действовать в соответствующем им духе: «Можно рассматривать даже в качестве одного из критериев сущностной природы некоего предданного содержания то, что при каждой попытке “наблюдать” его оказывается, что мы всегда уже заранее должны были усмотреть его, чтобы сообщить наблюдению желаемое и предполагаемое направление» [3, с. 268]. По Шелеру, оценка предшествует когнитивному отношению к предмету, а ориентация на ценности (стремление к чему-либо или отвращение к этому) трансформируется впоследствии в представление о цели и в волевые действия по ее достижению. Эта ориентация обнаруживается в человеческих стремлениях, которые составляют ядро любого действия, а сами ценности вовсе не являются продуктами абстракции. Личность – конечный носитель ценности, но отнюдь не ее творец, при этом ценности у Шелера (в отличие от кантовского долженствования) имеют собственное измерение объективации.

Дж. Дьюи подвергает критике и ценностный объективизм, и ценностный субъективизм, считая одинаково неубедительными и положение о том, что ценности всего лишь выражают произвольное настроение, и утверждение о том, что они существуют независимо от человека и его действий. Оценки и ценностные ориентации взаимосвязаны с желаниями и с размышлениями о том, насколько они реализуемы в определенных условиях. Поэтому, с точки зрения Дьюи, ценности имеют осознанный характер и проявляются только в действиях, когда необходимо сделать выбор из разных стремлений или решить какую-нибудь проблему: «Только тогда, когда возникает проблема, человеку приходится осознанно решать, какой именно из тех ориентаций, которым он прежде следовал неосознанно, он отдаст предпочтение, как можно следовать этим ориентациям, если этому мешают обстоятельства, и как можно интерпретировать и видоизменять сами желания» [цит. по: 1, с. 159]. В процессе принятия решений и их реализации действующий субъект

учится на своем опыте, оценивая и пересматривая собственные цели и действия. То, что человек ценит, не предстает перед ним ни в виде априорного знания, ни в качестве нравственного императива: оценивание он совершает благодаря осмыслению дорефлексивных побуждений, а затем осмысливает свою оценку в более широком контексте возможных последствий совершенного действия. Такое осмысление, по Дьюи, формирует три возможные жизненные ориентации: аккомодацию, когда индивид приспособливается к обстоятельствам и смиряется с ними; адаптацию, когда он пытается активно изменять обстоятельства; согласование, когда личность кардинально изменяет ценностные ориентации под действием религиозного или другого опыта, который воспринимается ею как сакральный.

У. Джеймс в работе «Многообразие религиозного опыта» обосновывает возможность существования ценностей, включая и нравственные, без религиозности, без мистического опыта и без веры в высший разум, но полагает, что рационально обоснованная мораль ограничивает свободу человека определенными целями и допустимыми средствами, в то время как религиозная вера позволяет выйти за пределы благоразумия. Кроме того, вера, по сути, неуязвима для рациональных аргументов и поэтому, с точки зрения Джеймса, для верующего человека является весьма надежной опорой в поведении и критерием оценивания. Изучение человеческого опыта в его самых сильных и универсальных проявлениях (а именно так Джеймс понимает религиозный опыт) ставит закономерный вопрос: должны ли ценности иметь религиозную основу? Мыслитель стремился обнаружить такой опыт, в котором человеческая личность временно утрачивает себя и в результате этой утраты устанавливает контакт с силами, способными ее укрепить. Однако, как отмечает Х. Йоас, Джеймс не объяснил, почему «индивид в интерпретации даже самого интенсивного личного опыта вынужден прибегать к общепонятному языку и репертуару готовых элементов культурной интерпретации» [1, с. 102].

Э. Дюркгейм также связывает генезис ценностей с опытом, но в его понимании это коллективный опыт, который способствует их формированию («коллективное во-

одушевление», а в случае религиозных ценностей – «коллективный экстаз»). Любой человек способен оценивать какую-либо область действительности даже в том случае, когда он не придерживается ценностей этой области. В таком случае можно полагать, что ценности существуют независимо от того, есть ли оценивающий субъект, а для него они так же реальны, как вещи предметного мира. С другой стороны, оценка по определению имеет субъективный характер, так как зависит и от понимания субъектом блага, и от его личностных особенностей. Даже в случае «коллективного экстаза» люди не превращаются в единое существо, поэтому внедрение подобного опыта в их повседневную жизнь весьма вариабельно.

Таким образом, анализ человеческого опыта во всем многообразии его проявлений, включая религиозный, не дает окончательного ответа на вопрос о генезисе ценностей, поскольку обнаруживает в опыте диалектическое противоречие индивидуального и коллективного, обыденного и сакрального. Тем не менее, по мысли одного из последователей философии жизни Г. Зиммеля, религия исторически способствовала «интеграции широкого диапазона наших представлений и интересов в единые понятия, которые не столь абстрактны, как понятия философии, но полны жизни и внутренней осязаемости наглядного, непосредственного бытия» [Цит. по: 1, с. 109]. В этом ключе религия – это своего рода утопическое выражение социального единства при бесконечном разнообразии его индивидуальных проявлений, которое обретает реальную силу в жизни общества. Человеческое «я» рождается из жизненного процесса, но не находится в абсолютной гармонии с окружающим миром. Осознавая случайность своего бытия, смертность и ограниченность в достижении желаемого, личность становится источником идеальных значимостей – ценностей.

Ч. Тейлор, современный канадский философ, автор известного труда «Секулярный век», подчеркивает взаимосвязь ценностей личности и ее идентичности, которая не может быть выведена исключительно из индивидуального опыта. Как и у Дж. Дьюи, его теория ценностей связана с интересубъективистской концепцией формирования личности. Взаимосвязь ценностных ориен-

таций и формирования идентичности приобретает особое значение и в том случае, когда по какой-то причине происходит крушение ценностей, а человеку непросто сохранить свою идентичность, и в том случае, когда кризис идентичности может привести к «размыванию» ценностей. С этой точки зрения «свободной» от ценностей не может быть никакая область человеческой деятельности, а ценностный аспект должен быть включен в языковой и понятийный аппарат всех социальных и гуманитарных наук.

Ч. Тейлор различает слабые и сильные оценки: оценка, которая исключает или предполагает удовлетворение какого-либо желания в конкретной ситуации по случайным причинам, является слабой, в то время как оценка на основе некоего общего принципа является сильной. Так, человек может отклонить вполне реализуемое желание, если само исполнение желания по каким-то причинам кажется ему неприемлемым. Соотнесение желаний с ценностным чувством эмоционально окрашено и вызывает различные эмоции – от возмущения и стыда до восхищения и благоговения. При этом личность ориентируется на свое представление о том, какой она хотела бы быть, не на основе личных установок, а на основе представления о некоей независимой от нее данности: «Когда нас стимулирует высшее благо, мы уже в самом своем опыте чувствуем, что оно представляется нам ценным не в силу нашей собственной реакции, но что, наоборот, именно благое в нем мотивирует нас к действиям. Оно служит для нас стимулом потому, что в его смысле мы видим нечто бесконечно ценное» [Цит. по: 1, с. 192]. Эти ценностные критерии даны в опыте в смысловой взаимосвязи, а сильные оценки вплетены во все социальные практики, в которые человек вовлечен с рождения.

Самосознающее «я» формируется в определенном социальном контексте, который продуцирует чувство социальной принадлежности. По отношению к формирующим ценностям социальной общности личность вполне может сохранять некоторую дистанцию и даже не соглашаться с ними, однако эти ценности в любом случае задают то духовное пространство, в котором она сама себя определяет. Кроме этого, идентичность высоко ценится самой личностью и требует усилий по ее поддержанию,

т. е. отказа от тех оценок и действий, которые ей не соответствуют (или же их оправдания). И наконец, в осмыслении личностью собственных ориентаций идентичность является тем критерием, который позволяет производить качественные различия ценностей. По мнению Тейлора, само формирование идентичности происходит внутри ценностной иерархии, которая возникает не столько потому, что человек усваивает «высоту» той или иной ценности под давлением культуры, сколько потому, что сама способность к действию невозможна без ответов на вопросы, требующие сильных оценок. Личность зачастую вынуждена делать выбор между противоположными вариантами оценки и действия, но сами эти альтернативы не являются предметом выбора. Только их наличие внутри ценностного сознания личности делает возможным осмысленный выбор. Поэтому, когда человек пытается понять самого себя, его самовосприятие предопределено теми ценностями, которые он считает достойными уважения. Это не означает, что вся жизнь человека проходит в рамках одних и тех же представлений о ценном и достойном. Может измениться и предмет стремления, и само представление о том, что достойно стремления. Более того, в течение жизни происходит осознание недостижимости значимых целей без социального взаимодействия: «Тот факт, что идеал может быть реализован лишь избирательно, меняет и значение тех его частей, на которых мы основываем свои действия. Наше самовыражение имеет смысл и вес, когда мы понимаем его не просто как совместное с обществом равных, но и как путь к нему» [4, с. 591]. Попытка же удержать теряющую значимость цели приводит к тому, что мы будем «скрывать от самих себя подразумеваемые этим дилеммы: то, что мы волей-неволей препятствуем другим весомым целям и обесцениваем те цели, которые поддерживаем и возвещаем» [4, с. 591].

Идея о том, что существует некое ядро личности (идентичность), которое определяет ее желания, верования и действия, была подвергнута критике в сочинениях представителей постструктурализма и постмодернизма. Они отказались от представлений о том, что отсутствие некой цельной личностной структуры и устойчивой цен-

ностной иерархии является выражением незрелости личности, и даже в самом требовании сформировать непротиворечивую, последовательную личность обнаруживают насилие над ней. Однако представляется справедливым мнение Й. Хоаса о том, что связь между возникновением ценностей и формированием идентичности не нарушается даже под ударами постмодерна. Он отмечает: «Насколько верно то, что закоснелая идентичность и негибкий консенсус подавляют творческий потенциал различия, настолько верно и то, что этот потенциал исчезает, если различие лишается внутреннего напряжения вследствие того, что никто из участников не чувствует привязанности к чему-то своему, не воспринимает Другое как вызов, побуждающий к серьезному изменению самого себя, в результате чего исчезает всякое стремление к возможному консенсусу, даже если это всего лишь консенсус о понимании различия» [1, с. 236].

Заключение

Проблема генезиса ценностей является одной из важнейших в аксиологии. В решении данной проблемы существуют разнообразные ответы, каждый из которых представляется обоснованным, но не может быть принят в качестве единственно верного. Ф. Ницше противопоставляет иудеохристианским ценностям любви и справедливости установление ценностей самой суверенной личностью. У. Джеймс и Э. Дюркгейм связывают появление приверженности определенным ценностям с опытом: Джеймс – с индивидуализированным, Дюркгейм – с коллективным. М. Шелер исходит из того, что ценностная нагруженность человеческого опыта свидетельствует о существовании ценностей, предшествующих ему и не зависящих от него. Ч. Дьюи пытается преодолеть и ценностный субъективизм, и ценностный релятивизм: по его представлениям, личность ориентирована на целостную самость в воображении и благодаря этому придерживается ценностей и идеалов в конкретных ситуациях. Ч. Тейлор, в свою очередь, раскрывает связь между аксиологией и теорией формирования идентичности. Постмодернистский дискурс включает отказ от понятий «ценность», «идентичность», «благо» и, соответственно, не предполагает обсуждения проблемы генезиса ценностей.

Таким образом, ответ на вопрос о возникновении ценностей варьируется от развитых теоретических конструкций до отказа от его обсуждения. Тем не менее проанализированные в статье идеи о происхождении

ценностей и о связи этого процесса с формированием личностной идентичности могут послужить основой для анализа особенностей ценностного сознания современного человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Йоас, Х. Возникновение ценностей : пер. с нем. / Х. Йоас. – СПб. : Алетейя, 2013. – 312 с.
2. Ницше, Ф. К генеалогии морали [Электронный ресурс] / Ф. Ницше. – Режим доступа: <https://www.nietzsche.ru/works/main-works/genealogia/?curPos=1>. – Дата доступа: 04.03.2024.
3. Шелер, М. Формализм в этике и материальная этика ценностей : пер. с нем. / М. Шелер // Избранные произведения / М. Шелер. – М. : Гнозис, 1994. – 490 с.
4. Тэйлор, Ч. Секулярный век : пер. с англ. / Ч. Тэйлор. – М. : ББИ, 2017. – 967 с.

REFERENCES

1. Joas, Kh. Vozniknovienije cennostiej : pier. s niem. / Kh. Joas. – SPb. : Alietejja, 2013. – 312 s.
2. Nicshe, F. K gieniealogii morali [Eliektronnyj dokumient] / F. Nicshe. – Riezhim dostupa: <https://www.nietzsche.ru/works/main-works/genealogia/?curPos=1>. – Data dostupa: 04.03.2024.
3. Shelier, M. Formalizm v etikie i matierial'naja etika cennostiej : pier. s niem. / M. Shelier // Izbrannyje proizviedienija / M. Shelier. – M. : Gnozis, 1994. – 490 s.
4. Tejlor, Ch. Siekuliarnyj viek : pier. s angl. / Ch. Tejlor. – M. : BBI, 2017. – 967 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 01.05.2024